

Часть первая

РАССКАЗ ВОРА

11 СЕНТЯБРЯ 1936 ГОДА

Для театра нужны длинные руки.

*Сара Бернар,
«Воспоминания о моей жизни»*

Глава 1

ЯДРЕНАЯ ШТУКА

Пятница, 11 сентября 1936 года

В театре «Гранат» страсти накалились, как масляные лампы.

— У вас моя сережка? — спросила Люси Леви. Рабочий сцены лишь недоуменно посмотрел на нее и не ответил.

Мисс Леви поворчала и пошла дальше. Она обошла всех сотрудников закулисья, пригибаясь под балками и огибая тележки с костюмами, хлопая сумрачными серыми веками и кривя розовые, капризные губы. Но от серьги не осталось и следа.

Это был последний прогон «Мисс Смерти» перед премьерой, поэтому атмосфера была натянута, как рояльная струна. Мисс Леви (вторая главная женская роль) в последние две недели боролась с собой, чтобы

сохранить самообладание по мере приближения ответственного момента. А серьга так и не находилась.

Люси вышла из-за кулис и направилась к центральной сцене, стуча каблуками по голому дереву: «Делла, если ты подрезала мою сережку...»

— Берегись! — раздался голос из-за кулис. Это был Бенджамин Тизел. Люси чуть не провалилась головой в открытый люк. Она остановилась в последний момент, занеся ногу над воздухом.

— Да, это чуть не закончилось неприятностью, — сказал второй голос. Двое мужчин вышли из-за кулис на противоположной стороне сцены, Тизел был в зеленом норфолкском костюме* (*охотничий костюм, отличительный знак солидного английского джентльмена — здесь и далее прим. пер.*), который он носил, чтобы утвердить свой авторитет. Другой мужчина был старше и одет — возмутительно — в черный плащ, подбитый малиновым шелком.

Мисс Леви едва перевела дыхание. Она посмотрела на Тизела, затем повернулась к другому мужчине:

— Вы кто?

— Люси, не груби, — укорил ее Тизел. Ему нравилось строить из себя школьного учителя. — Это Джозеф Спектор, — он произнес его имя так, словно она уже должна была знать, кто этот старик.

* Охотничий костюм, отличительный знак солидного английского джентльмена (*здесь и далее прим. пер.*).

— Очень приятно. — Спектор улыбнулся. Улыбка у него была как у мертвеца. Казалось, он принадлежал к давно ушедшей эпохе; его костюм — из черного бархата — носил отпечаток увядшего блеска зажиточных 1890-х годов, а лицо было измято, как скомканная бумага. При этом его глубоко посаженные глаза были такого бледно-голубого цвета, который она едва ли когда-либо видела.

Хотя его походка и одежда выдавали в нем очень пожилого человека, голос у него был нежным и каким-то невинным. Он показался Люси человеком, которому может сойти с рук почти любое преступление.

Он объяснил:

— Мы как раз дорабатываем иллюзию для третьего акта. Будьте добры, покиньте сцену.

И Люси Леви, все еще запыхавшаяся и без серьги, ушла, не сказав ни слова. Но уходя, она услышала перешептывания.

— Боже мой, — тихо прорычал Тизел, — клянусь, когда-нибудь я убью ее.

— Боевой дух — вот что это такое. К тому же если вы оставите ее на произвол судьбы, она может погибнуть и без вашей помощи, — сказал Спектор, стоя на коленях возле открытого люка. — Все готовы? — спросил он.

— Да-да, сэр! — последовал ответ.

Спектор слегка улыбнулся, затем подмигнул Тизелу:

— Так давайте взглянем.

Возникла короткая пауза, а затем из люка бесшумно появилась жуткая восковая фигура. Ее уродливое лицо смотрело в пустой зал, а руки были скрючены, словно желая схватить кого-то.

— Превосходно, — одобрил Спектор, — хотя можно и побыстрее.

— По мне, так все в порядке, — заметил Тизел.

— Все должно произойти за долю секунды, Бенджамин. Я хочу, чтобы зрители визжали. Может быть, добавить смазки в механизм?

— Нет времени. Нам нужно отрепетировать монолог Деллы из второго акта. Где она?

Джозеф Спектор направился за кулисы. Из внутреннего кармана он достал портсигар с десятью узкими черными сигарами, вставил одну из них между зубов и прикурил, выдохнув в затхлый воздух шлейф ароматного дыма. Люси Леви наблюдала за ним из маленького затененного укромного уголка, расположенного в лабиринте закулисных коридоров. Она незаметно изучала этого «Джозефа Спектора».

Его возраст было трудно определить. В зависимости от освещения он выглядел то на пятьдесят, то на восемьдесят. Как и все фокусники, он мастерски создавал всевозможные иллюзии. Она не знала, что Джозеф Спектор не настоящее его имя, а псевдоним из другой жизни, из жизни фокусника в мюзик-холле. Но хотя он больше десяти лет как не выступал, он

приложил все усилия, чтобы сохранить свою знаменитую ловкость рук.

Сейчас он направился к служебному входу, где швейцар улыбнулся и, звякнув ключами, выпустил его в переулочек. Люси последовала за ним, но не сразу выскочила за дверь, как это сделал он. Вместо этого она посмотрела на швейцара и, прижав палец к губам, приотворила дверь и выглянула наружу. Там она увидела Деллу Куксон в нелепой позе на мусорном ящике и в полном облачении.

— Делла, — заговорил Спектор, — что ты здесь делаешь?

Звезда улыбнулась ему:

— Ну, мне же надо где-то быть, не так ли?

Даже Люси была вынуждена признать, что выглядела Делла Куксон сенсационно. От дугообразных черных бровей до затененной ямочки на подбородке малейшее движение мышц ее лица могло вызвать вихрь эмоций. А копна золотисто-каштановых волос делала ее похожей на фотомоделю. Назвать ее величественной было бы неправильно: она была миниатюрной, но во всех ее жестах и выражениях чувствовалась почти сверхъестественная экспансивность и живость.

Однако как и многие творческие люди, она была подвержена периодическим приступам меланхолии, которые выводили ее из строя иногда на несколько недель подряд и испортили ей репутацию. Сегодня

она выглядела мрачно, с бледной кожей и пунцовыми губами чахоточной больной при смерти.

— Еще и премьеры не было, — пожаловалась она, — а нас уже распинаят. — Она взяла в руки газету. Заголовок из двух слов гласил: «БЕЗВКУСНАЯ СТРАШИЛКА».

— Никогда не думал, что ты из тех, кто принимает такие вещи близко к сердцу, Делла, — заметил Спектор.

— Тебе легко говорить. Это ведь не ты у них под прицелом.

— Тебе стоит знать, — продолжал старик, — что это шоу построено на *моих* трюках и иллюзиях. Они для меня как дети. Я лелеял их много-много лет.

Делла грустно улыбнулась и сменила тему:

— Сколько тебе лет, Джозеф? Мне любопытно.

— О, не меньше пятисот. Я отчетливо помню испанскую Армаду. Она испортила мне десятый день рождения.

Делла вежливо рассмеялась:

— Фокусники. Вы просто не в состоянии дать прямой ответ, не так ли?

— Нет, конечно. Именно поэтому Тизел и нанял меня. Прямые ответы его не устраивают. Признаться, «Мисс Смерть» — это злоецащая история. И поэтому она требует самого сложного антуража. Вот что делает ее идеальной для этого зала. Он недавно отремонтирован. Все это великолепное пространство, которое нужно заполнить. Если Бенджамин не

сможет собрать полный зал на такое шоу, никто не сможет.

— Старый добрый Бенджамин Тизел, — произнесла Делла с плохо скрываемым ядом в голосе. — Зачем он вообще послал тебя сюда? Я думала, ты жизненно необходим для прогона. Для управления всеми этими монстрами, выскакивающими из-под половиц.

— Может быть, два месяца назад я и был жизненно необходим. Но в последние дни я, так сказать, понял, что я лишний.

— Наверное, странно видеть, как другие люди выполняют твои трюки.

— Сюрреалистично — наверное, более подходящее слово. Но все равно испытываю огромное удовольствие. В конце концов, они делают отличные фокусы. А это уже кое-что, не так ли?

Делла сделала глоток из фляжки:

— Хочешь?

Спектор взял у нее флягу:

— Что в ней?

Она пожала плечами:

— Вообще-то, я стараюсь не думать об этом.

Через некоторое время любопытство Спектора взяло верх:

— Почему бы и нет? — Он сделал маленький глоток. Алкоголь обжег ему заднюю стенку горла и прочертил огненную дорожку по пищеводу. Он

издал сухое, гулкое покашливание. — Ядреная штука, — сказал он.

Делла рассмеялась:

— Да, Джозеф. Не рассказывай об этом остальным, ладно? О выпивке, я имею в виду. Я просто нервничаю перед премьерой. Я перестану, как только мы войдем в рабочий ритм.

Спектор улыбнулся, но ничего не ответил. Он быстро попрощался и ускользнул, оставив театр позади. До премьеры осталось недолго, всего несколько часов, и они прекрасно справятся и без него. Он бросил последний взгляд на рекламный щит над входом в театр (ДЕЛЛА КУКСОН В СПЕКТАКЛЕ «МИСС СМЕРТЬ»), прежде чем исчезнуть в тумане бродячих душ на Стрэнде. Просто еще одно серое пятнышко с воротником, поднятым против злющего осеннего воздуха, бредущее в сторону Сент-Мартин-ин-те-Филдс.

С хищной улыбкой Люси Леви закрыла дверь черного хода.

Глава II

МИСС СМЕРТЬ

Небо за окном дома в Доллис-Хилл приобрело чудовищный фиолетовый оттенок. Ранний вечер нависал над Лондоном. Доктор Ансельм Рис сидел за своим столом и делал заметки, а пациент А лежал на кожаном диване в дальнем конце комнаты, устремив взгляд в потолок с лепниной. Он рассказывал историю:

— И я не могу пошевелиться, лежу бездыханный и парализованный, как вдруг из темноты на меня смотрит пара глаз. Я озираюсь по сторонам, пытаюсь разглядеть, кто там, как вдруг дверь распахивается и эта темная фигура проскальзывает в комнату и встает там, у изножья моей кровати.

— Фигура кого? — Доктор Рис говорил с легким акцентом.

— Отца. — Рис кивнул: все было так, как он и ожидал. — Но он выглядел иначе, каким-то другим. Словно призрак.

— Ваш отец — я имею в виду вашего настоящего отца — он жив?

— Да. Я не видел его и не разговаривал с ним несколько месяцев, но он жив и здоров, все в порядке.

— У вас нет никаких страхов или тревог относительно его здоровья?

— Ничего такого. Но во сне он стоит у изножья моей кровати и смотрит на меня немигающими глазами. На нем что-то вроде халата, что-то, похожее на монашескую рясу. Я чувствую себя так, словно лежу на жертвенном алтаре, как будто меня собираются принести в жертву какому-то языческому богу.

— А потом?

— А потом он поднимает руки и разрывает халат, обнажая голую грудь. И я... — Пациент А сделал большую паузу, собираясь с мыслями. Это была очень трудная для него история: — И я впервые вижу, что с ним произошло.

Доктор Рис выжидающе смотрел на пациента, занеся ручку над страницей. Молодой человек продолжил:

— Его грудная клетка стала... ртом. Грудь у него открывается, как пара челюстей, и я вижу ряд сверкающих, острых, как бритва, зубов. А в глубине груди, там, где должно быть сердце, я вижу... язык.

Пациент А прекратил свой монолог, и на его глаза навернулись слезы.

— Это конец сна? — спросил Рис.

— Нет. Нет, это не конец. Но не думаю, что смогу рассказывать дальше.

— Понимаю. Давайте на этом закончим сеанс. Но у меня есть несколько теорий о символической природе этого сна.

— *Отцу!*

Пациент А вскочил на ноги.

— Кто это? — вскрикнул он. — Кто это зовет?

— Это всего лишь моя дочь, Лидия, — пояснил доктор Рис. — Она наверху. — Он подошел к двери и распахнул ее, а затем крикнул в коридор: — Что случилось, Лидия?

— Маркус приехал, — прозвучало в ответ. — Его машина только что завернула за угол.

— Ах, — вздохнул доктор, повернувшись к пациенту. — Тогда, пожалуйста, позвоните мне завтра, и мы продолжим беседу. А пока я выпишу вам еще один рецепт на «Веронал».

— Я не знаком с вашей дочерью, — рассеянно проговорил пациент А.

— Да. В настоящее время она не принимает пациентов. Но у нее потрясающее психиатрическое чутье, и она работает над серией статей для *New Statesman*, — сказал Рис, наклоняясь над столом и небрежно записывая рецепт в блокноте. Он оторвал лист и протянул его молодому человеку.

